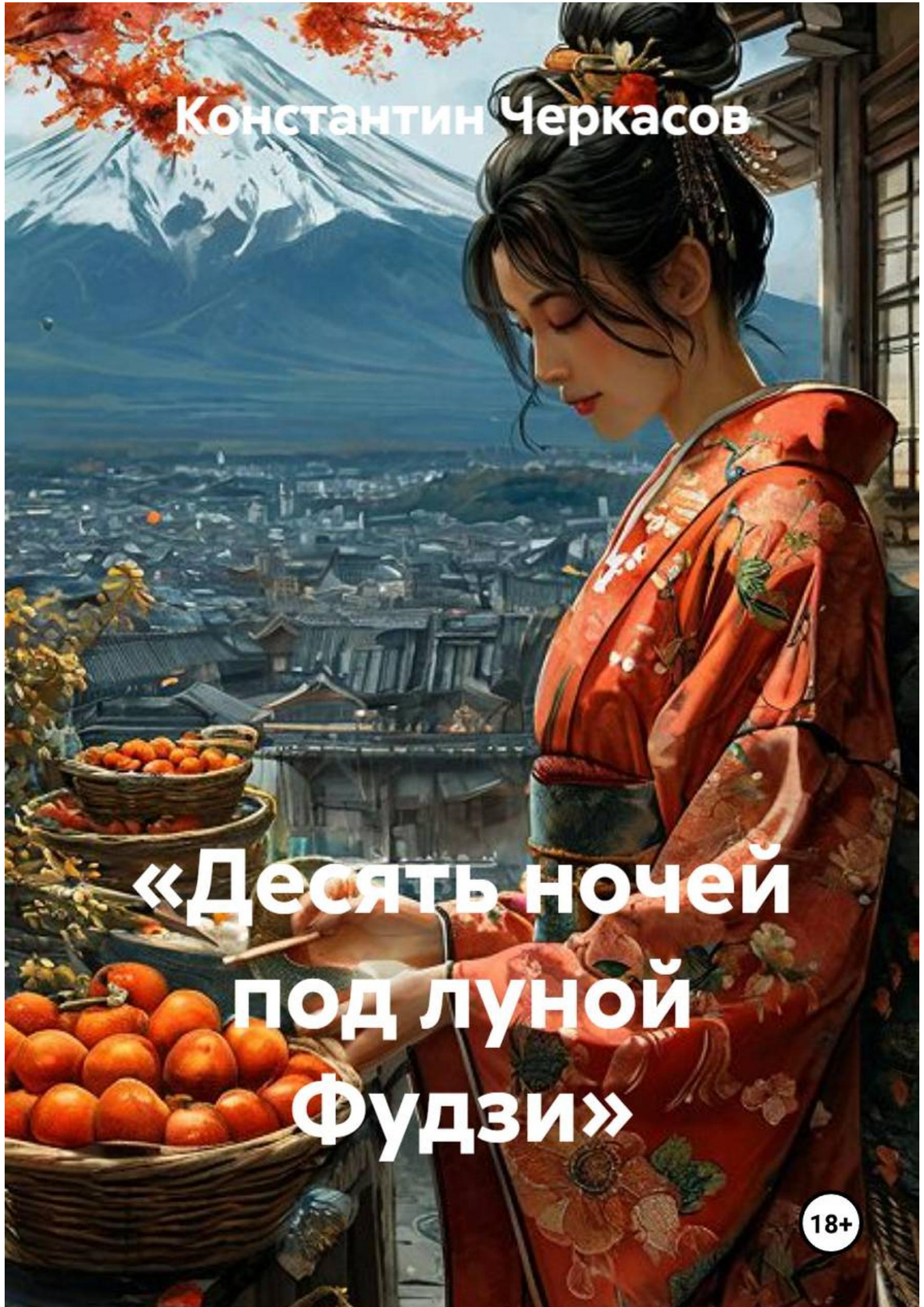

Константин Черкасов

«Десять ночей
под луной
Фудзи»

18+

Константин Черкасов

«Десять ночей под луной Фудзи»

«Автор»

2026

Черкасов К.

«Десять ночей под луной Фудзи» / К. Черкасов — «Автор», 2026

Десять ночей. Десять женщин. Один путь — внутрь себя. Кендзи — переписчик старых свитков, человек, потерявший себя в тишине собственной жизни. Он не ищет любви. Он просто существует, пока однажды не встречается на рынке у подножия Фудзи женщину, которая выбирает неспелую хурму. Её пальцы касаются его руки — и мир переворачивается. Так начинается путешествие. От терпкой горечи утреннего плода до солёного вкуса моря на обнажённом плече. От шёпота шёлка за кулисами театра до стеклянной флейты, которая звучит в полночь. От красных следов веревки на бледной коже до лепестков сакуры, падающих в лунном свете. Эта книга — о желании, которое не знает границ. О любви, которая не умирает. О боли, которая становится наслаждением. Но будьте осторожны. Финал этой книги перевернёт всё, что вы думали о ней. Потому что каждая тень, которую вы любили, — это ваше собственное отражение. Японские сказки для взрослых. Для тех, кто не боится чувствовать. Для тех, кто готов заглянуть вглубь себя.

© Черкасов К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Константин Черкасов

«Десять ночей под луной Фудзи»

Глава

*Луна светит одинаково для всех.
Но только тот, кто смотрит достаточно долго,
видит в ней своё отражение.
Десять ночей. Десять женщин. Один путь — внутрь себя.*
К. Черкасов

Сказка первая. Вкус утренней хурмы

Глава 1. Рынок у подножия Фудзи

Кендзи не знал, зачем пришел на рынок в это утро.

Туман еще не рассеялся, и гора Фудзи висела над крышами как белый призрак — огромная, невозможная, равнодушная. Он бродил между рядов, касался пальцами корзин, смотрел на лица торговцев, но ничего не видел. Мысли были пустыми, как его комната, как его жизнь.

Тридцать два года. Один. Работа переписчика — старые свитки, иероглифы, которые никто не читает. Вечера у окна, чай, тишина. Он привык к тишине. Она перестала пугать.

Но сегодня — сегодня что-то было не так.

С утра его трясло. Не от холода. От ощущения, что вот-вот случится что-то важное. Что-то, что нельзя пропустить.

Он остановился у прилавка с хурмой. Старик с выцветшими татуировками на предплечьях дремал на ящике. Плоды лежали ровными рядами — оранжевые, блестящие, с восковым налетом.

Кендзи взял один. Понюхал. Пахло солнцем и чем-то далеким.

— Не бери эту, — услышал он.

Голос был низким, чуть хриплым. Женским. Он обернулся.

Она стояла рядом. Высокая, худая, в выцветшем хлопковом кимоно. Волосы собраны в пучок, но несколько прядей выбились и липли к шее. На шее — родинка. Маленькая, темная, чуть ниже левого уха.

Она смотрела не на него. На хурму в его руке.

— Эта уже перезрела, — сказала она. — Внутри — гниль. Пощупай.

Кендзи сжал плод. Кожа поддалась, из трещины вытек прозрачный сок. Пахло сладкой горечью.

— А ты разбираешься? — спросил он.

— Отец торговал хурмой. Я выросла среди них.

Она улыбнулась. Уголок рта дернулся — недоверчиво, с легкой грустью.

— Бери вон ту, — она показала на дальний угол корзины. — Желтую, с коричневыми пятнами.

— Почему?

— Она неспелая. Такая сжигает язык. Но оставляет послевкусие, которое не забывается.

Кендзи взял ту, что она указала. Маленькая, твердая, с пятнами, похожими на веснушки.

— Ты часто здесь бываешь? — спросил он.

— Каждое утро.

— Я тебя не видел.

— Потому что не смотрел.

Она сказала это просто, без кокетства. Просто констатировала факт. И Кендзи понял, что она права. Он смотрел в пустоту каждый день, но не видел людей. Не хотел видеть.

А теперь — увидел.

— Меня зовут Кендзи.

— Ханако.

Она протянула руку. Пальцы длинные, с перламутровыми ногтями, обрезанными под корень. Он взял ее ладонь. Кожа была прохладной, сухой. Но под пальцами бился пульс.

— Ты дрожишь, — сказала она.

— Руки холодные.

— Нет. Ты волнуешься.

Она смотрела на него в упор. Золотые глаза. В них — зеленые искры, как утренний свет в чайной чашке.

Кендзи хотел отвести взгляд, но не смог.

— Почему ты здесь сегодня? — спросила Ханако.

— Не знаю.

— Ты всегда приезжаешь, когда не знаешь?

— Иногда.

— И что ты ищешь?

Он молчал. Она ждала.

— Я ищу что-то, что заставит чувствовать, — сказал он. — Я перестал чувствовать. Мне кажется, я умер внутри.

Ханако не отвела взгляда. Она сжала его пальцы — чуть крепче.

— Тогда идем, — сказала она. — Я покажу тебе место, где хурма растет сама.

Глава 2. Там, где тихо

Она привела его к реке.

Река была скрыта ивами. Вода стояла почти неподвижно, покрытая ряской. Пахло тиной и сыростью. В этом запахе было что-то древнее — как будто здесь никто не бывал сотню лет.

Ханако села на камень, поросший мхом. Кендзи сел рядом. Мокрый мох прохладно коснулся кожи.

— Я прихожу сюда, когда хочу побыть одна, — сказала она.

— А сейчас?

— Сейчас я привела тебя.

Она протянула ему хурму — ту самую, желтую, с коричневыми пятнами.

— Попробуй.

Кендзи взял плод. Откусил. Во рту стало сухо, язык онемел, скулы свело от терпкости. Он зажмурился.

— Терпи, — услышал он ее голос. — Сейчас пройдет.

Он жевал. Глотал. Горечь стояла в горле комом.

— Что ты чувствуешь? — спросила Ханако.

— Боль.

— Какую?

— Такую, что хочется заплакать. Но слез нет.

— Это потому, что ты давно не плакал.

Она взяла из его рук хурму. Откусила с того же места. Жевала медленно, с закрытыми глазами. Ресницы дрожали.

— Я тоже не плачу, — сказала она, проглатывая. — Три года. С тех пор как отец умер.

— Тебе тяжело?

— Мне пусто.

Она открыла глаза. В них стояла влага.

— Но сегодня, когда я увидела тебя, что-то дрогнуло. Здесь. — Она положила руку на грудь. — Я думала, там ничего нет. Оказалось, есть.

Кендзи не знал, что сказать. Он просто взял ее руку. Пальцы переплелись.

— Ты чувствуешь? — спросил он.

— Что?

— Как бьется пульс. У меня — и у тебя. В унисон.

Она кивнула. Молча.

Они сидели на камне, глядя на стоячую воду. Рядом. Плечо к плечу. Чужие, но уже не чужие.

— Ханако.

— Да.

— Я хочу тебя поцеловать.

Она повернулась. Посмотрела в глаза. Долго.

— Поцелуй, — сказала она.

Он наклонился. Медленно. Словно давал ей время отстраниться. Она не отстранилась.

Губы коснулись ее губ. Они были сухими, чуть солеными. Пахли имбирем и утренним холодом.

Кендзи целовал ее не торопясь. Нежно. Словно боялся разбить что-то хрупкое.

Она отвечала. Сначала несмело, потом с большей уверенностью. Ее пальцы сжали его руку.

— Кендзи, — шепнула она в губы.

— Ханако.

— Я боюсь.

— Чего?

— Что это пройдет.

Он обнял ее. Прижал к себе.

— Не пройдет, — сказал он. — Я не позволю.

Глава 3. Дом с синей крышей

Ханако жила в старом доме у подножия холма. Три кипариса у калитки. Синяя черепичная крыша. Бамбуковый водомет во дворе — *сисиодоси* — мерно стучал: *ток-ток*.

Она сняла сандалии у порога. Кендзи снял свои. Ноги ступили на гладкий бамбук.

Внутри было темно и прохладно. Пахло сухими травами. На столике стояла ваза с увядшим ирисом.

— Проходи, — сказала Ханако. — Я поставлю чай.

— Не надо.

— Что?

— Просто посиди со мной.

Она села напротив. Скрестила ноги. Кимоно натянулось на бедрах.

— Я никогда не приводила мужчин в этот дом, — сказала она.

— Почему?

— Не хотела. Боялась, что они принесут грязь. Нарушат покой.

— А я?

— Ты не похож на других. Ты пахнешь горечью. Как неспелая хурма.

Она улыбнулась, но в улыбке была печаль.

— Я хочу тебе кое-что показать, — сказала Ханако. — Не знаю, зачем. Но хочу.

Она встала, подошла к старому шкафу, открыла дверцу. Достала корзинку. В корзинке лежали три хурмы. Перезрелые. Сморщенные. С темными пятнами.

— Их нельзя есть, — сказала она, садясь напротив. — Но ими можно чувствовать.

— Как?

Она взяла одну. Раздавила пальцами. Мякоть вытекла оранжевой кашцей. Пахло сладкой гнилью.

— Раздаться, Кендзи.

Он смотрел на нее.

— Пожалуйста, — сказала она. — Я хочу коснуться тебя.

Он снял кимоно. Остался в набедренной повязке. Кожа бледная. Ребра выступают. В животе — напряжение.

Ханако подошла на коленях. Остановилась перед ним.

— Закрой глаза.

Он закрыл.

Она провела хурмой по его ключицам. Мякоть скользнула по коже, оставляя липкий след. Пахло сладостью и осенью.

— Что ты чувствуешь? — спросила она.

— Тепло.

— Еще.

Она втирала сок в его грудь. Круговыми движениями. Вокруг сосков. Потом ниже — по животу. К пупку.

Кендзи дрожал.

— Ханако.

— Молчи.

— Я не могу молчать. Твои руки. Они...

— Они хотят запомнить тебя.

Она опустилась ниже. К повязке. Сок стекал по его животу, капал на ткань. Пах сжался.

— Ты хочешь меня? — спросила она.

— Больше, чем дышать.

Она убрала руки. Села на пятки.

— Тогда приходи завтра. В полнолуние. Я сорву для тебя самую спелую хурму.

— Почему не сейчас?

— Потому что сейчас — горечь. А завтра будет сладость.

Она встала. Протянула ему руку.

— Иди, Кендзи. И не забудь, что ты чувствовал.

Он поднялся. На коже остался оранжевый след — от ее пальцев, от хурмы, от нее самой. У калитки он обернулся.

— Ханако.

— Что?

— Я приду.

Она кивнула. И улыбнулась. Впервые — без грусти.

Глава 4. Ночь без сна

Кендзи не спал.

Лежал на футоне, смотрел в потолок. На коже еще оставался ее запах — сладкий, чуть гнилостный. Он не смывал его. Боялся, что исчезнет.

Он встал. Открыл окно. Луна висела над крышами — почти полная.

На подоконнике лежала хурма. Та самая, зеленая, которую он купил утром. За день она потемнела. На коже проступили коричневые пятна.

Он взял ее в руки. Поднес к лицу. Запах был терпким, но уже не таким колючим — как будто она тоже ждала.

— Ханако, — прошептал он.

И прижал хурму к губам.

Он целовал кожуру, как целовал бы ее шею. Медленно. С благоговением.

Потом положил хурму на живот. Сок выступил — тягучий, янтарный. Он натер им себя. Грудь. Живот. Бедро.

Пальцы дрожали. Член набух, коснулся мокрой кожи. Он взял себя в руку, провел по стволу, сжимая. Кожура хурмы хрустела под пальцами, сок смешивался со слюной.

Он закрыл глаза. Видел ее. Руки. Родинку. Губы.

— Ханако, — выдохнул он.

Оргазм пришел медленно. Тягуче. Как сладкий сок, который стекает по пальцам.

Он лежал мокрый, разбитый. Смотрел на луну.

— Я приду, — сказал он.

И заснул — с хурмой в руке.

Глава 5. Созревание

Кендзи пришел на рассвете.

Кипарисы стояли черными свечами. Дом молчал. Дверь была открыта — приглашение, обещание, ловушка.

Ханако сидела на веранде. Прямая, как струна. На ней — выцветшее кимоно, малиновый пояс. Волосы распущены — черной водой стекают по плечам, касаются ключиц. В руках — глиняная чашка с чаем. Пар поднимается к небу, тает в утреннем холоде.

Она подняла глаза.

— Ты пришел.

— Я обещал.

— Заходи.

Он скинул сандалии. Ноги ступили на бамбук — прохладный, чуть влажный от росы. Внутри пахло сухим имбирем и старым деревом.

На столике лежала хурма.

Одна. Красная. Мягкая. Кожура лопнула от собственной тяжести, и сквозь трещину сочилась янтарная мякоть — густая, как мед. Капля повисла на нижней части плода, дрожала и не падала.

— Созрела ночью, — сказала Ханако. — Я сидела рядом и смотрела, как она меняется.

— Долго ждала?

— Всю ночь. — Она улыбнулась. — Без сна.

Кендзи сел напротив. Колени почти касались ее коленей. Сквозь ткань чувствовалось тепло — ее тело нагревало воздух между ними.

Она взяла нож. Тонкий, с черной рукояткой. Отрезала ломтик. Мякоть блеснула влагой.

— Открой рот.

Он открыл. Она положила ломтик ему на язык. Пальцы задержались на его нижней губе — на секунду дольше, чем нужно.

Хурма таяла. Медовый вкус растекался по нёбу, спускался в горло. Сладкий, с легкой горчинкой, как утренняя горечь, которая осталась там, на реке, на камне, покрытом мхом.

— Хорошо? — спросила она.

— Лучше, чем я мог представить.

Она отрезала второй ломтик. Положила себе в рот. Наклонилась вперед.

— Теперь ты.

Их губы встретились.

Ее язык коснулся его языка. Мякоть хурмы перетиралась между ними — они жевали вместе, медленно, чувствуя, как сок стекает по подбородкам, как сладость смешивается со слюной, как дыхание становится чаще.

Она отстранилась. Посмотрела в глаза.

— Кендзи.

— Что?

— Я хочу тебя.

Она сказала это просто. Как факт. Как что-то, что не требует обсуждения.

Он положил ладонь ей на затылок. Пальцы запутались в черных волосах. Он притянул ее к себе — для поцелуя, но поцелуй перерос в нечто большее. Он целовал ее губы, подбородок, шею. Ту самую родинку — чуть ниже уха. Кожа там была теплой, соленой, с легким привкусом имбиря.

Она выгнулась, открывая горло. Ее пальцы сжали его плечи — сквозь ткань кимоно.

— Раздень меня, — прошептала она.

— Я хочу смотреть на тебя.

— Тогда смотри.

Она медленно, не сводя с него глаз, развязала малиновый пояс. Узел поддался не сразу — она тянула, играя, дразня. Ткань ослабла, сползла с плеч. Кимоно упало на татами с глухим шелестом.

Она стояла перед ним обнаженная.

Кожа — бледная, с легким отливом слоновой кости. Ключицы острые, как крылья. Грудь — небольшая, тяжелая, с темно-розовыми сосками, сморщенными от утреннего холода. Живот плоский, с тонкой линией темных волос, уходящей вниз. Бедра округлые, с ямочками по бокам.

Между ног — влажный блеск. Она уже была мокрой.

Кендзи замер. Воздух вышел из легких медленно, со свистом.

— Твоя очередь, — сказала она.

Он скинул кимоно. Набедренная повязка упала следом.

Член стоял — твердый, набухший, с каплей прозрачной влаги на головке. Ханako смотрела на него открыто, без стеснения. Ее губы чуть приоткрылись.

— Ты большой, — сказала она.

— Тебе страшно?

— Нет. Мне хочется.

Она шагнула к нему. Прижалась всем телом — горячим, мягким. Грудь коснулась его груди. Соски уперлись в его кожу, твердые, как маленькие гальки.

Она взяла его член в руку. Пальцы — длинные, прохладные — обхватили ствол, сжали — не больно, а властно. Провела от основания до головки. Капля влаги смазала ей пальцы.

— Хочешь, чтобы я сделала это ртом? — спросила она.

— Да.

— Сначала ты. Я хочу чувствовать тебя.

Она опустилась на колени на фuton. Легла на спину, разведя ноги. Бедра открылись, и он увидел всё — розовое, влажное, раскрытое. Маленькая складка, которая пульсировала в такт ее дыханию.

— Смотри, — прошептала она. — Это для тебя.

Он стал на колени между ее ног. Провел пальцем по ее лону — от входа к клитору, медленно, с нажимом. Она вздрогнула. Влага смочила его пальцы — горячая, вязкая.

— Ханако.

— Я хочу чувствовать твой язык.

Он наклонился. Язык коснулся ее — соленой, кислой, острой. Ее запах ударил в ноздри — женский, утренний, без прикрас.

Он провел языком по складке — снизу вверх, медленно, с нажимом. Она застонала. Пальцы впились в его волосы.

— Еще.

Он вошел языком внутрь. Глубоко. Чувствуя, как ее стенки сжимаются вокруг языка, как пульсирует вход. Она двигала бедрами навстречу — ритмично, как танец.

Он вышел. Лизнул клитор — маленький, твердый, как горошина. Обвел языком круг. Она вскрикнула.

— Кендзи.

— Что?

— Не останавливайся.

Он ласкал ее языком — то входя внутрь, то кружа вокруг клитора, то втягивая ее в рот, посасывая. Она выгибалась, стонала громче, пальцы сжимали его волосы почти до боли.

— Я сейчас, — выдохнула она.

— Давай. Я хочу чувствовать.

Он ускорился. Язык двигался быстро, с нажимом. Ее бедра задрожали. Она закричала — громко, на выдохе, вся, сжимаясь вокруг его языка. Оргазм прошел по ней волной — от живота к груди, от груди к горлу.

Она лежала мокрая, сбитая, тяжело дыша.

— Теперь ты, — прошептала она.

Он поднялся. Член пульсировал — красный, набухший, с каплей семени на головке.

Ханако села. Взяла его в рот.

Губы сомкнулись вокруг головки — горячие, влажные. Язык обвел край, скользнул по уздечке. Она взяла глубже — насколько могла, почти до основания.

Кендзи застонал. Он сжал ее волосы, но не тянул — просто держал, чувствуя, как ее голова двигается вперед-назад, как язык облизывает ствол, как слюна стекает по его члену.

— Ханако, я не выдержу долго.

Она отстранилась. Улыбнулась — мокрыми губами.

— А я и не хочу, чтобы ты терпел. Я хочу тебя внутри.

Она легла на фuton. Развела ноги шире. Приподняла бедра — приглашение.

Он стал на колени. Член уперся в ее вход — горячий, влажный, пульсирующий.

— Входи, — сказала она.

Он вошел.

Медленно. Дюйм за дюймом. Чувствуя, как ее стенки раздвигаются, как она сжимается вокруг него — туго, влажно, жарко.

Она выдохнула — долго, со стоном.

— Двигайся.

Он начал двигаться. Медленные толчки — глубокие, размеренные. Он смотрел, как его член входит в нее, выходит, влажный от ее смазки. Как ее бедра поднимаются навстречу. Как ее лицо искажается от удовольствия.

Она обхватила его ногами — сжала бедрами, притягивая глубже.

— Быстрее, — шепнула она.

Он ускорился. Толчки стали резче, глубже. Он входил до конца, до упора, чувствуя, как она сжимается вокруг него в такт движениям.

— Еще, — стонала она. — Еще.

Он наклонился. Целовал ее грудь. Сосок попал в рот — твердый, соленый от пота. Он сосал его, покусывая, чувствуя, как она выгибается под ним.

Рука скользнула между ними. Пальцы нашли клитор — набухший, влажный. Он надавил, круговым движением.

Она вскрикнула.

— Кендзи, я сейчас.

— Я тоже.

Он ускорился до предела. Толчки стали короткими, резкими, почти грубыми. Она кусала его плечо. Стонала в голос.

Он почувствовал, как ее стенки сжались вокруг него — сильно, пульсирующе. Она кончила с криком, выгибаясь дугой.

И в этот момент он кончил сам.

Семя ударило в нее горячей струей, раз за разом. Он продолжал двигаться, входя глубоко, чувствуя, как оно вытекает, смешиваясь с ее влагой.

Он упал на нее. Тяжелый, мокрый, сбитый.

Лежал, чувствуя ее дыхание у своего уха.

— Ханако.

— Кендзи.

— Я люблю тебя.

Она улыбнулась. Погладила его спину — медленно, успокаивающе.

— Я знаю.

Они лежали молча. За окном вставало солнце.

— Хурма съедена, — прошептала она.

— Нет. — Он приподнялся на локтях. Посмотрел в глаза. — Мы только начали.

Он поцеловал ее в лоб.

И снова вошел в нее — медленно, нежно, чувствуя, как она сжимается вокруг него во второй раз.

За окном оранжевое солнце поднималось над Фудзи.

Сказка вторая. Шорох шелкового оби

Глава 1. Гостиница "Старая сосна"

Осень в Киото была влажной. Дожди шли без остановки, и город пах мокрым камнем, гниющими листьями и чаем, который заваривали в каждой чайной. Серое небо нависало над крышами, и казалось, что само время застыло в этой сырости.

Кендзи приехал в столицу по делам. Старый свиток, который ему поручили переписать, хранился в храме на восточном холме. Работа заняла три дня. На четвертый он понял, что не хочет возвращаться.

Ноги привели его к гостинице "Старая сосна". Маленькая, неприметная, с потемневшей деревянной вывеской, где иероглифы стерлись почти до нечитаемости. Хозяйка — сухонькая старуха с седыми волосами, собранными в тугой пучок — сняла ему комнату на втором этаже, окнами в сад.

Он стоял у окна. Дождь барабанил по черепице, стекал по желобу, падал в бамбуковый желоб. В саду росла старая сосна, согнутая ветрами, похожая на старуху, которая кланяется вечности.

Кендзи смотрел на нее и думал о Ханако. О том утре на рынке. О хурме. О ее родинке на шее.

Но Ханако осталась в своем доме у подножия Фудзи. А он был здесь.

Он вздохнул. Провел ладонью по лицу.

Внизу хлопнула дверь. Женский голос — низкий, с хрипотцой — что-то говорил хозяйке. Кендзи не разобрал слов, но голос заставил его замереть.

Он вышел в коридор. Остановился у перил, глядя вниз.

Она стояла у стойки, стряхивая воду с зонта. Волосы — длинные, черные, с проседью у висков — мокрыми прядями падали на плечи. Кимоно — глубокого фиолетового цвета, почти черного, с вышитыми серебряными журавлями. Пояс — широкий, шелковый — переливался как вода в лунном свете.

Она подняла голову, как будто почувствовала его взгляд.

Возраст — трудно сказать. Сорок? Пятьдесят? В ее лице было что-то неуловимое — тонкие морщины у глаз, но губы — полные, яркие, как у девушки. Глаза — цвета старого янтаря, с глубокими тенями под ними.

Они смотрели друг на друга. Мгновение. Два.

— Вы тоже здесь остановились? — спросила она.

Голос — низкий, бархатный. С хрипотцой, от которой внутри все переворачивалось.

— Да, — ответил Кендзи. — Второй этаж. Комната в конце коридора.

— Я в соседней.

Она улыбнулась. Уголок рта дернулся — и в этой улыбке было столько обещания, что у него перехватило дыхание.

— Меня зовут Саяко, — сказала она.

— Кендзи.

— Красивое имя, — она поднялась по лестнице. — Для красивого мужчины.

Она прошла мимо него, оставляя запах — влажный, с нотами дождя и сухих цветов. Запах, от которого пересохло в горле.

Кендзи смотрел, как ее фиолетовое кимоно исчезает за дверью. Как ее бедра покачиваются при ходьбе. Как мокрая ткань прилипает к спине.

Он вернулся в комнату. Сел на futon. Сердце колотилось — глухо, тяжело.

— Я сошел с ума, — прошептал он.

Но мысли уже не слушались. Он думал о ее глазах. О ее голосе. О том, как она улыбнулась.

Глава 2. Ткань, которая помнит

Ночью дождь усилился.

Кендзи лежал на futone и слушал, как вода стучит по черепице. Пытался уснуть, но тело не слушалось. Он переворачивался с бока на бок, сбрасывал одеяло, накрывался снова.

В коридоре раздались шаги.

Легкие. Босые ноги по деревянному полу. Звук приближался, замер у двери.

Тишина.

Кендзи затаил дыхание. Дверь скрипнула — приоткрылась на дюйм.

Саяко стояла на пороге. В тонком белом кимоно, почти прозрачном. Волосы распущены, стекают черными ручьями по плечам, по груди. Сквозь мокрую ткань просвечивала кожа — бледная, с легкой синевой вен.

— Не спишь? — прошептала она.

— Не могу.

— Я тоже.

Она вошла. Дверь закрылась без звука. Она села на край его futона, так близко, что он слышал ее дыхание — ровное, спокойное.

— Я хочу попросить тебя о помощи, — сказала она.

— Какой?

— Мое кимоно. — Она показала на свое — белое, тонкое. — Я не умею завязывать пояс. Всегда просила мужа. Теперь его нет.

— Он умер?

— Он ушел. К другой. Давно. Но привычка осталась.

Она говорила просто, без боли. Констатировала факт. Потом повернулась к нему спиной.

— Завяжи мне оби. Пожалуйста.

Кендзи сел. Пальцы дрожали, когда он коснулся шелка.

Ткань была гладкой, прохладной. Он провел руками по ее пояснице, собирая складки. Кожа под тканью — горячая. Жар проходил через тонкий шелк, обжигал пальцы.

— Ты дрожишь, — сказала она.

— Ты холодная.

— Нет. Ты волнуешься.

Она повернула голову. Полупрофиль — острый нос, впалые щеки, губы чуть приоткрыты.

— Я много лет не чувствовала мужских рук, — прошептала она. — Твои руки — теплые.

Кендзи не ответил. Его пальцы двигались сами — завязывая пояс, но медленно, слишком медленно. Он не хотел заканчивать.

— Саяко.

— Да.

— Почему ты пришла ко мне?

Она помолчала. Потом тихо сказала:

— Потому что ты смотрел на меня. Как никто не смотрел. Не на лицо. На то, что внутри.

Она повернулась к нему лицом. Пояс остался не завязанным. Кимоно распахнулось, обнажая грудь — тяжелую, с темными сосками, с сетью тонких вен под кожей.

— Я хочу, чтобы ты дотронулся до меня, — сказала она.

— Саяко.

— Не говори. Делай.

Он положил ладонь на ее грудь. Кожа была горячее, шелковистой. Сердце билось глубоко, часто. Он провел большим пальцем по соску, чувствуя, как он твердеет под его прикосновением.

Она закрыла глаза. Выдохнула — протяжно, со стоном.

— Давно я не чувствовала этого.

— Чего?

— Желания.

Она взяла его руку и провела ею по своему животу. Вниз. К низу живота. Там, где ткань была мокрой.

— Ты чувствуешь?

— Да.

— Это для тебя. Я ждала тебя всю ночь.

Глава 3. Шорох шелка

Они лежали на футоне. Дождь барабанил по крыше — громко, ритмично, как чей-то пульс.

Саяко была сверху. Кимоно слетело с плеч, обнажая спину — гладкую, с выступающими позвонками, с тонкой линией волос, спускающейся к копчику.

Она двигалась медленно. Бедра раскачивались вперед-назад, и ее влага смазывала его член, скользила по стволу, стекала по яичкам.

— Ты чувствуешь, как я хочу тебя? — спросила она.

— Да.

— Скажи.

— Ты мокрая. Горячая. Ты сжимаешь меня так туго...

— Еще.

— Твои бедра двигаются как волны. Ты смотришь на меня и улыбаешься. Ты знаешь, что я не выдержу долго.

— Знаю. — Она наклонилась. Грудь коснулась его груди. Соски — твердые, как камешки — уперлись в его кожу. — Хочешь меня?

— Хочу.

— Тогда смотри.

Она выпрямилась. Запрокинула голову. Волосы упали на спину, открывая горло. Он видел, как напрягаются мышцы живота, как ее пальцы сжимают его плечи.

Она ускорила. Бедро двигались быстрее, входила глубже, брала его до конца. Он чувствовал, как ее стенки сжимаются вокруг него — влажно, туго, пульсирующе.

— Саяко, я сейчас.

— Нет. Еще. Я хочу чувствовать тебя внутри.

Она замедлилась. Глубокие, медленные движения. Она наклонилась к его уху.

— Ты знаешь, что такое шелк? — прошептала она.

— Что?

— Это ткань, которая помнит прикосновения. Каждый раз, когда ты гладишь шелк, он вспоминает. Твои пальцы. Твое тепло.

Она провела рукой по его груди, по животу, по члену — там, где они соединялись.

— Я хочу, чтобы ты запомнил меня. Как шелк помнит руки.

Она снова ускорила. Резко. Сильно. Он чувствовал, как ее оргазм нарастает — ее дыхание сбилось, бедра задрожали.

— Сейчас, — выдохнула она.

Она кончила с криком. Стенки сжались вокруг него — сильно, до боли. Он почувствовал, как ее влага хлынула, обтекла его член.

И он кончил следом. Семя ударило в нее — горячее, густое, толчками. Она продолжала двигаться, вбирая его в себя, сжимая, пока последние капли не вытекли.

Она упала на него. Тяжелая, мокрая, сбитая.

— Кендзи.

— Саяко.

— Это было долго.

— Я ждал этого.

Она улыбнулась. Поцеловала его в шею — легко, как ветер.

— Ты будешь моим каждую ночь.

— Каждую?

— Каждую, пока дождь не кончится.

За окном ливень усилился. Вода стучала по крыше — ритмично, как их дыхание.

Глава 4. Тени на татами

На вторую ночь она пришла с веревкой.

Тонкой шелковой веревкой — алого цвета, как кровь на снегу. Она держала ее в руках, и Кендзи смотрел на нее с любопытством, смешанным с опаской.

— Ты боишься? — спросила Саяко.

— Нет. Но я не понимаю.

— Это будет не боль. Это будет доверие.

Она села на фuton. Кимоно уже было снято — она была обнажена, кожа светилась в полумраке. Белая, гладкая, с родинками на бедрах, похожими на звезды.

— Садись, — сказала она. — Спиной ко мне.

Он сел. Она взяла веревку — начала обматывать его грудь. Шелк скользил по коже, прохладный, легкий. Она завязывала узлы — не туго, а так, чтобы он чувствовал каждое движение.

— Что ты делаешь? — спросил он.

— Связываю тебя. Не чтобы удержать. Чтобы ты чувствовал.

Веревка ложилась на его плечи, на грудь, на живот. Она затянула узел на спине — и он почувствовал, как ткань впивается в кожу.

— Нравится? — спросила она.

— Странно. Но приятно.

— Это потому, что ты знаешь, что я не сделаю больно.

Она обошла его. Села напротив. Взяла веревку и обмотала вокруг своих бедер. Затем вокруг груди. Узлы легли на соски, чуть сдавили.

— Теперь мы связаны, — сказала она. — Чувствуешь?

— Да.

— Каждый узел — это обещание. Что я не уйду. Что ты не уйдешь.

Она подвинулась к нему, села ему на колени. Веревка скользнула по его члену — мягко и возбуждающе.

Она приподнялась. Направила его внутрь себя. Медленно опустилась, вбирая до основания.

— Шелк скользит по коже, — прошептала она. — Ты чувствуешь?

— Да.

— Я хочу, чтобы мы двигались медленно. Чтобы веревка терлась о нас. Чтобы ты запомнил каждый узел.

Она начала двигаться. Медленно. Каждое движение — как танец, как ритуал. Ее бедра поднимались и опускались, и веревка терлась о его грудь, о ее грудь.

Он чувствовал, как шелк впивается в кожу. Как его кровь пульсирует под узлами. Как ее влага стекает по его члену, смазывая веревку.

— Саяко.

— Что?

— Я чувствую тебя. Каждое движение.

— Хорошо.

Она ускорила. Шелк шуршал, скользил по коже, оставлял алые следы. Ее грудь подпрыгивала, соски терлись о веревку.

Он протянул руку — и провел пальцами по ее клитору. Влажный, набухший, пульсирующий.

Она вскрикнула.

— Кендзи.

— Я хочу, чтобы ты кончила.

— Тогда не останавливайся.

Он ускорил пальцы. Круговые движения, нажим. Она двигалась быстрее, входя в него, вбирая его до упора.

Она кончила с криком. Стенки сжались вокруг него. И он кончил следом, чувствуя, как семя вытекает, смешиваясь с веревкой, с шелком, с ее влагой.

Они лежали в обнимку. Веревка все еще была на них.

— Ты снял бы меня? — спросила она.

— Нет. Пусть останется.

— Почему?

— Чтобы я чувствовал тебя даже когда ты уйдешь.
Она улыбнулась. Поцеловала его в губы.
— Я никуда не уйду. Пока дождь не кончится.

Глава 5. Последний рассвет

На седьмую ночь дождь стих.

Кендзи проснулся от тишины. Вода не стучала по крыше. Ветер не шевелил ветки. Стояла та особая тишина, которая бывает только после долгого ливня, когда мир просыпается заново.

Саяко уже не было.

Он сел на футоне. На татами лежал кусок шелка — алый, с ее запахом. Рядом — записка. "Дождь кончился. Мне пора. Но я запомнила тебя. Как шелк помнит руки. Саяко."

Он сжал шелк в пальцах. Ткань была гладкой, прохладной. Он поднес к лицу — пахло ею и дождем.

Он встал. Оделся. Вышел в коридор.

Ее дверь была открыта. Комната пуста. Футон заправлен. Ни следа.

Хозяйка стояла внизу, поливая цветы.

— Женщина, что была в соседней комнате, — сказал Кендзи. — Она уехала?

— Какая женщина? — старуха подняла брови. — В соседней комнате никто не жил уже месяц.

Кендзи замер.

— Но я видел ее. Каждую ночь.

Старуха пожала плечами.

— Молодые мужчины часто видят то, чего нет. Особенно после дождя.

Кендзи вернулся в комнату. Сел на футон. Смотрел на алый шелк в руке.

Она была. Он знал это. Чувствовал запах на коже. Видел следы веревки на груди.

Но ее не было.

Он поднес шелк к губам. Поцеловал.

— Саяко, — прошептал он. — Спасибо.

Он упаковал вещи. Спустился вниз. Выходя из гостиницы, обернулся.

На втором этаже, в окне ее комнаты, мелькнул женский силуэт.

Кендзи замер. Но силуэт исчез.

Он улыбнулся. И вышел на улицу.

Осеннее солнце пробивалось сквозь тучи, и Киото пах свежестью и влажными листьями.

Шелк остался у него в кармане. Теплый. Пахнувший дождем и женщиной, которой не было.

Сказка третья. Игра теней на сёдзи

Глава 1. Дом напротив

Кендзи поселился в этом районе случайно.

Старый квартал, где дома стояли вплотную друг к другу, разделенные узкими переулками, в которых даже днем царил сумрак. Деревянные стены, почерневшие от времени. Черепичные крыши, поросшие мхом. И тишина — та особенная тишина, которая бывает только в местах, где люди живут, но не видят друг друга.

Его комната находилась на втором этаже. Окно выходило во внутренний двор — крошечный, заросший бамбуком. А напротив, через узкий проход, стоял дом-близнец.

Такая же деревянная стена. Такие же сёдзи — рисовые бумажные перегородки, за которыми угадывались тени.

В первый вечер Кендзи зажег лампу и сел у окна. Чай в чашке остывал, пар поднимался к потолку и таял.

Он смотрел в темноту.

В доме напротив зажгли свет. Теплый, желтый. На сёдзи проступили тени.

Две. Мужская и женская.

Мужская — широкая, с мощными плечами, квадратным торсом. Женская — хрупкая, с тонкой шеей, длинными волосами, падающими на спину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.